

Т.Н. Васильчикова, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии,
факультет «Культура и искусство»

И.А. Алмакаева, аспирант кафедры филологии, факультет «Культура и искусство»
Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия)

Ключевые слова: Достоевский Ф.М.; роман «Братья Карамазовы»; идея; православие; христианство; мотив; «мытарства»; душа; вина; христианская антропология; убийство; отец; суд; «мытари»; православная эсхатология; духовное возрождение.

Аннотация: Идеи православной антропологии, лежащие в основе концепции романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», выражены на всех уровнях его идейно-художественного содержания. Мотив «мытарств», которые «проходит» Дмитрий Карамазов во время предварительного следствия, восходит к православной эсхатологии, где мытарства рассматриваются как испытание души после смерти и первый этап будущего Страшного Суда. Мотив служит для выражения основной идеи романа – возможности духовного возрождения человека, независимого от его греховности, даже в условиях нравственного упадка общества. Хотя герой признан «мытарями» – несправедливыми судьями – виновным, с позиций православного гуманизма с этого момента начинается его духовное возрождение.

Помимо создания романа «Братья Карамазовы» и завершения публикации «Дневника писателя» Ф.М. Достоевский в 1877 году в записной книжке намечает план творческой работы и ставит четыре следующие задачи: написать «русского Кандида»; книгу об Иисусе Христе; свои воспоминания; поэму «Сороковины». Ни один из замыслов, фигурирующих в этом плане, не был реализован как самостоятельное произведение, но ни один и не остался невоплощенным: все влились в той или иной форме в замысел романа «Братья Карамазовы» [1, с. 91].

Так и не реализованный полностью замысел поэмы «Сороковины» относится еще к лету 1875 года. С ним связан мотив «мытарств», который впоследствии «проявится» в девятой книге романа. По плану автора, поэма должна была быть осуществлена в виде «Книги странствий», описывающей «мытарства» (с первого по шестое и возможно больше) души после смерти до сорокового дня, отсюда и название поэмы. В «Братьях Карамазовых» название «Хождение души по мытарствам» отнесено к трем главам (3–5) девятой книги романа «Предварительное следствие», описывающим три «мытарства» Мити – Дмитрия Карамазов, которому предъявлено обвинение в убийстве Федора Карамазова, его отца. Именно душе Мити, по замыслу писателя, предстоит в романе символически умереть под тяжестью совершенных грехов и символически воскреснуть под влиянием любви и раскаяния. Попробуем объяснить душевное состояние и мотивацию поведения персонажа во время предстоящих «мытарств». Взятый из Евангелия от Иоанна эпиграф романа более всего относится к нему: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (12, 24). Следовательно, нельзя воскреснуть, не умерев. Однако в сюжете романа мытарства происходят еще при жизни героя, до его физической кончины и выхода души из тела. В исключительных случаях человек грешный может быть признан виновным еще при жизни, душа его будет определена в ад, такой пример приведен Данте Алигьери в первой части «Божественной комедии» В богословской литературе рассказывается,

что мытарства видел преподобный Антоний Великий, во время молитвы, находясь «вне тела». Преподобный Иоанн Лествичник описывает сходный случай с одним монахом. Это свидетельство представляет особый интерес в рамках нашего исследования, так как монаха обвиняли, как и Дмитрия, не только в грехах совершенных, но и в том, *чего он не делал*. При этом он не всегда умел оправдаться и испытывал страшные душевные муки. В продолжении сего истязания душа его разлучалась с телом; и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда, и какой приговор последовал. «Усердно пей поругание как воду жизни от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевательством очищающим...» [2, с. 585]. В случае героя Достоевского вынесен «мытарями» ему обвинительный приговор, но вопрос так и остается открытым – заслуживает ли он прощения после смерти, или душа его будет низвергнута в геенну огненную. Роман не был завершен, и полного и ясного ответа на этот вопрос не дается. В связи с этим следует отметить, что в православии сами посмертные мытарства, собственно, – заключительный этап тех испытания, которые душа проходит в течение всего ее нахождения в теле при жизни человека. Об этом сказано Владыкой Игнатием: «как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствия, точно так таинственно совершается здесь, на земле, ее истязание воздушными властями, ее пленение или освобождение от них; при шестивии через воздух эта свобода и плен только обнаруживаются» [3, с. 98].

«Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться через воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение и низвести ее во ад, уготованный диаволу и ангелам его» (Мтф. 25, 41). Таким образом, мытари грешника стараются идентифицировать его с собой – найти те греховные качества, носителями которых выступают сами. В этом нет ничего близкого к беспристрастности судей – бесовские силы стараются обвинить и рады, если это получилось. Вот почему при анализе эпизодов романа важно обратить внимание

не только на «грешника» – Дмитрия Карамазова, но и на его символических «мытарей» – членов следственной комиссии. Радующиеся злу, пристрастные неправедные судьи – «мытари» косвенно отражают критическое отношение писателя к общественной системе. В свете христианской антропологии важно душевное состояние самих мытарей, которые, как и подсудимый, – тоже живые люди, находящиеся на той или иной степени символической «лестницы» добродетелей. О степени важности личностей «мытарей» говорит тот факт, что автор уделяет им подробное внимание. Это не мистические образы, а реальные, но несущие символическую смысловую нагрузку. На их примере реализуется основная идея романа – показать нравственную неустойчивость, динамичность личности человека, который находится в постоянном колебании между полюсами человечности и злобного бесовства. В незавершенной версии романа автор не показывает итога этих колебаний ни в герое, ни в его «мытарях».

Мотив мытарств в контексте роман получает собственное осмысление и значение, как сходное, так и различное с тем первичным смыслом который понятие «мытарства» имеет в системе православной эсхатологии. В православном догматическом богословии прохождение души после смерти через воздушные мытарства – это часть Частного Суда, посредством которого судьба души преставившегося христианина решается еще до Страшного Суда, где Орудиями Божьей воли и справедливости выступают Ангелы Господни. Об этом сказано в Евангелии т Матфея: «Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных и ввергнут их в печь огненную» (Мф. 13, 49–50). Мытарства воздушные во время Частного суда душе учиняют злые духи-бесы. Злые духи и святые ангелы ведут спор за души, покинувшие свои тела. Первые – обвиняют и доказывают наличие тех или иных грехов, ангелы же стараются оправдать и доказывают наличие добрых дел. Сразу заметим, что в этом первое различие «мытарств» героя романа – его не защищают ангелы, хотя за него и постоянно пытается вступить тут же присутствующая Грушенька, которую ангелом назвать пока нельзя. Мытарства происходят еще при жизни, до его кончины и выхода души из тела.

Учение о мытарствах входит в общее учение Церкви и имеет свою историю. Оно обнаруживается уже в Писании Ветхого Завета. Так, Святой апостол Павел говорит, что христианам предстоит «брань с поднебесными духами злобы» (Еф. 6, 12). О мытарствах неоднократно упоминается в Житиях Святых, где душа святого успешно их все преодолевает. О мытарствах свидетельствуют Св. Афанасий Великий в Житии св. Антония Великого; св. Иоанн Златоуст в «Слове о терпении и благодарении». Св. Ефрем Сирий так описывает суд в мытарствах: «Божественные изыатели, появ душу, восходят по воздуху, где стоят начальства и власти, и миродержатели противных сил. Это – злые наши обвинители, страшные мытники, описчики, данщики; они встречаются на пути, описывают и вычисляют грехи и рукописания сего человека... Великий там страх, великий трепет бедной душе, неопишима нужда, какую терпит тогда от неисчетного множества тьмами окружающих ее врагов, клеветующих на нее, чтобы не дать ей взойти на небо, поселиться в свете живых, вступить в страну

жизни. Но святые Ангелы, взяв душу, отводят ее» [4, с. 383]. Таким образом, в представлении о мытарствах в богословии наблюдается относительно единство мнений: так определяются испытания, которым подвергается душа, покинувшая после смерти тело. Общим является и понимание цели этих испытаний, которые предпринимаются, чтобы определить дальнейшее местопребывания души – будет ли она унесена ангелами выше, в рай, или опустится в ад преисподней под тяжестью совершенных при жизни смертных грехов. Хотя мытарства признаются в православном богословии как несомненная данность, встречаются заблуждения относительно того, как именно следует их представлять. Митрополит Макарий Московский предостерегает об опасности воспринимать мытарства чрезмерно реально, конкретно чувственно.. «Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а сколько для нас возможно в смысле духовном, и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными» [5, с. 538]. Рассказ блаженной Феодоры, послушницы преп. Василия, о прохождении через мытарства (Жития Святых, 26 марта) считается в православном богословии наиболее достоверным свидетельством реального существования мытарств [6, с. 532]. Когда она умерла, преподобный за ее верное служение просил Бога помочь ей пройти мытарства, отдал свои добрые и святые дела, чтобы выкупить ее грехи. Когда один из учеников преп. Василия захотел узнать, где находится ее душа, ему это было явлено во сне: «в светлой обители, полной небесной славы и неизреченных благ, которая была уготована Богом преп. Василию и в которой была водворена Феодора по его молитвам» [7, с. 535]. В ее рассказе о прохождении воздушных мытарств дано определение грехов, которые испытуются в каждом отдельном из них. Число мытарств колеблется – до двадцати и больше, они охватывают все семь смертных грехов. Поскольку герой романа Достоевского проходит только первые три из них, следует их определить, чтобы понять, в каких же смертных грехах Митя подозревается и испытывается во время допроса. В рассказе Блаженной Феодоры они определяются следующим образом:

Мытарство 1-е. Когда мы восходили от земли на высоту небесную, сначала нас встретили духи первого мытарства, на котором испытываются грехи празднословия.

Мытарство 2-е. Мы приближались к другому мытарству, называемому мытарством лжи. Здесь человек отдает отчет за всякое лживое слово, а преимущественно за клятвопреступление, за напрасное призывание имени Господня, за ложные свидетельства, за неисполнение данных Богу обетов, за неискреннюю исповедь во грехах и за все тому подобное, когда человек прибегает ко лжи.

Мытарство 3-е. Мытарство, к которому мы пришли потом, называется мытарством осуждения и клеветы. Грозные духи испытывают грешных в этом за то, что они предвосхищают сан Христов и делают судиями и губителями своих ближних, когда как сами неизмеримо больше достойны осуждения [8, с. 537].

Итак, вопрос в первую очередь заключается в том, чтобы выяснить, совпадают ли те обвинения, которые

предъявлены герою в каждом отдельном его «мытарстве» с их трактовкой в догматическом богословии. Дмитрий проходит испытание хотя и при жизни, но по сути такое же, как во время «воздушных мытарств» проходит душа после смерти. Итогом должно стать признание его вины или его оправдание. «Вина» тоже понимается двояко: во-первых, виновен ли в убийстве отца, что важно для следствия и приговора. Во-вторых, виновен ли в гибели собственной души, и в этом его подлинная и высшая вина. «Грех», в котором его испытывают «мытари», на первый взгляд, самоочевиден – виновен ли он в убийстве своего отца Федора Карамазова, которого он до того избил и прилюдно грозился убить. Во время первого мытарства Дмитрию предъявлено обвинение в убийстве, которое он не совершал реально, «в деле», но собирался совершить – то есть совершил «в слове и помышлении». Грешник отказывается от ложного обвинения: «не повинен! В этой крови неповинен! В крови отца моего неповинен... Хотел убить, но неповинен! Не я!» [7, с. 524]. На защиту грешника «в помышлении» бросается Грушенька. Она хочет разделить грех или взять его на себя, считая себя первопричиной случившегося убийства. Она на самом деле тоже не совершила убийства, но в свете христианской антропософии все же виновна – играла роль искушительницы.

Митю следовало судить за его подверженность буйству и страстям и греховные намерения, а не за реальное преступление. В то же время в свете христианской этики само греховное намерение – уже грех, то есть вина. Пока Дмитрий этой своей вины не понимает. «Бесы» – земные судии такие, как и положено быть бесам – радуются грехам, не ведают милосердия и стремятся только обвинить. При этом – обвинить и корыстно, к собственной выгоде. Грешник Митя вызывает сострадание не у судей неправедных, а у читателя, так как при всех его пороках – буйстве природы, страстности – он не совершил преступления, говорит правду и искренне кается. Каждый из любящих, как Дмитрий, так и Груша, готов принять страдания другого и пожертвовать собой ради ближнего, что по христианской этике является высшим достижением человеческой души, приближает ее к подвигу Христа, искупает всякую иную вину. Общая же вина обоих, хотя и не совершивших реального преступления, в одержимости греховными страстями. Но процесс нравственного возрождения начался, они оба любят, следовательно, уже искупают любовью свой грех. Митя, кроме того, сразу же кается в другом убийстве – старика, слуги Григория Максимова, которого он ударил, выбегая из сада, и, как полагает, убил. Характерно, что он привязан к старику, называет его «отцом» и все же ударил его, то есть страсти взяли верх и затмили рассудок и чувства. В этом мнимом убийстве он уже горько раскаивается в душе, еще до ареста и допроса: «Жив, так он жив! – завопил вдруг Митя, всплеснув руками. Все лицо его просияло. Господи, благодарю тебя за величайшее чудо, содеянное тобою мне, грешному и злодею, по молитве моей! Да, да это по молитве моей, я молился всю ночь! И он три раза перекрестился. Он почти задыхался» [7, с. 525].

Митя очень наивно и искренне считает, что раз он невиновен и сказал об этом, то ему не могут не поверить и дело на том и закончится, и начинает обращать-

ся к своим судьям уже как прежде – как к своим знакомым по прежней жизни. Идет разделение понятий – суд совести и суд земной, что характерно для героев романов Достоевского. По суду совести Митя себя судит строго и считает виновным, как и Раскольников после покаяния. Самооценка Мити вполне объективна – он жаждал «благородства внутри, но делал подлости внешне». Признаком его благородства – в правдивости, он рассказывает правду и не боится улик, хотя и понимает, наконец, что все улики – против него. Итак, грешник проходит первое мытарство и признан виновным. Первое мытарство по православному учению – празднословие. Казалось бы, Митю привлекают к суду не за это, а за убийство, которого он не совершал в реальности, но в душе и словесно – хотел совершить. То есть действительно виновен в празднословии. Тем не менее он допущен к следующему испытанию. «Бесы» умело подталкивают к признанию, предъявляя ложные свидетельства, то есть хотят заставить солгать. Выйдя из терпения, Митя иронически предлагает записать именно то, что им хотелось – «Запиши сейчас... что схватил с собой пестик, чтобы бежать убить отца моего... Федора Павловича.. ударом по голове! Ну, довольны ли вы теперь, господа?... Я волк, а вы охотники, ну и травите волка» [7, с. 540]. Нравственные муки затравленного «бесами» невинного человека достигают апогея во время третьего «мытарства». Сопоставлены две версии случившегося – официальная (ложная) и подлинная. Дмитрий вспыхивает гневом и опровергает официальную версию: «А затем убил, хватил его в темя и раскроил ему череп... Ведь так, по-вашему, было?»

По-моему, господа, по-моему, вот как было, – тихо заговорил он, – слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение – не знаю, но черт был побежден. Я бросился от окна и побежал к забору» [7, с. 542].

Мытарство третье заканчивается унижительным обыском Дмитрия, ему предлагают раздеться за занавесками. А затем «прокурор поймал Митю» последним «доказательством» его вины и грешник был признан виновным.

Итак, после прохождения «мытарств» виновность Дмитрия признана земным судом и впоследствии он будет отправлен на каторгу. Земные «бесы» – судьи неправедные торжествуют, «доказав» его виновность. Однако читатель, которого автор делает активным участником происходящего, этого мнения не разделяет. В убийстве герой невиновен, что не означает, его полной невинности в другом – в страстях греховных, одержимости этими страстями, жизни без света духовного, буйстве природы. Виновен он и в грехе помышлением – так как хотел смерти своего отца в «уме и в помышлении», а это приравнивается православной этикой к греху совершенному. Виновен и в членовредительстве старика Григория. Читатель выносит свой «независимый» приговор, который не совпадает с приговором «мытарей» Дмитрия – он уже начал искупать свои грехи, как реальные, так и в помышлении, так как свет любви озарил эту заблудшую душу, и так как он выдержал страшное искушение – мог убить своего отца и готов был убить, но не убил. Начался процесс возрождения души, что является самым важным итогом нравственного пути человека, такой прозревший грешник должен быть оправдан. И если правда

не воспринята, судьбы заблуждаются, то автор тем самым выражает критическое отношение к общественному суду, как высшей общественной инстанции. Мотив «мытарств», таким образом, помогает выразить основную идею романа – возможность духовного возрождения личности даже в условиях нравственного упадка общества, а мотивация поведения и поступков персонажа рассматривается в свете этики христианства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Комментарии / Собр. соч. в 15 т. Л.: Наука, Т. 9, 1991. 2. Преподобный Иоанн Лествичник. «Лествица возводящая на небо», 4-изд. – М.: Сретенский монастырь, 2008.
3. Иеромонах Серафим Роуз. Душа после смерти. С-пб, изд. Царское дело, 1995.
4. Св. Ефрем Сирий. Собр. Соч. М., Т. 3, 1882.
5. Митрополит Макарий Московский. Православно-догматическое богословие. СПб, Т. 2, 1883.
6. Рассказ блаженной Феодоры о мытарствах. Жития святых, изложенные по руководству Четьих Миней св. Дмитрия Ростовского, кн. 7: М., 1906, с. 530–550 (Житие преподобного Василия Нового).
7. Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы», кн. 9. Предварительное следствие. // Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы Библиотека отечественной классической литературы в 100 томах. М.: Дрофа-Вече, 2002.

ON THE PROBLEM OF MOTIVATION CHARACTER'S BEHAVIOR IN THE LIGHT OF CHRISTIAN ETHICS (NOVEL BY FYODOR DOSTOYEVSKY, «THE BROTHERS KARAMAZOV»)

© 2013

T.N. Vasil'chikova, doctor of philological sciences, professor,
head of the chair «Philological», culture and art faculty

I.A. Almakava, postgraduate student of the chair «Philological», culture and art faculty
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia)

Keywords: Dostoevsky F.M.; novel «Karamazov brothers»; idea, Orthodoxy; Christianity, motive; «ordeals»; soul; guilt; Orthodox anthropology; murder; father; judgement, «publicans»; Orthodox eschatology; spiritual renovation.

Annotation: The ideas of orthodox anthropology, which are the basis of conception of Dostoevsky's novel «Karamazov brothers», are expressed at all levels of its ideologico-artistic content. The motive of «ordeals» Dmitry Karamazov goes through during the pretrial, goes up to orthodox eschatology, where ordeals are shown as soul's trial after death and the first stage of Doomsday. The motive is used to express the main idea of the novel – possibility of person's spiritual renovation, regardless of his depravity, even on conditions of moral decline of society. Though the character is pleaded guilty by «publicans» – vicious judges, from the stand-point of orthodox humanism, from this very moment his spiritual renovation begins.